

БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2023.4.4.021

УДК 115

*Л. Е. Шапошников, Д. В. Семикопов**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ФЁДОРОВА А. А.
«ПРОИЗВОДСТВО БУДУЩЕГО. МИР “ДВОЙНОГО
ДВОЕТОЧИЯ”». СПБ.: ИЦ «ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»,
2023. 496 с.**

*L. E. Shaposhnikov, D. V. Semikopov
REVIEW OF THE BOOK BY FEDOROV A. A. «PRODUCTION OF THE FUTURE.
THE WORLD OF THE “DOUBLE COLON”». — ST. PETERSBURG: HUMANITARIAN
ACADEMY, 2023. — 496 p.*

Зачем нужен мир?
Ведь все остальное уже перепробовали,
и ничего хорошего опять не вышло.

Книга профессора Александра Александровича Федорова написана в необычном стиле. С одной стороны, это не форма привычной монографии с академическим изложением материала, с другой — это явно и не книга для массового прочтения. Читателю этой монографии предстоит трудная работа по «освоению» философского трактата.

Почему трудная? Потому что придется читать и «переводить со словарем», точнее, с несколькими разного рода словарями (в широком смысле), начиная с Википедии и заканчивая Философской энциклопедией: есть в тексте места, где даже сведущему читателю не удастся «продраться» сквозь «заросли» иноязычных слов, которые нанизываются друг на друга и практически полностью

* Шапошников Лев Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; shaposhnikov_le@mininuniver.ru

Семикопов Даниил Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; semydan@gmail.com

составляют терминологический каркас текста («...обеспечивающая непрерывную работу метафизических машин при революционном изменении фрейма и телеологической диверсии» — вот не самый «крутой» пример). Но знающие автора люди понимают, что такой способ мышления органичен для него: это не поза, не пижонство — это естественная форма существования его мысли. Читателю остается только удивляться такой способности.

Еще одна особенность рецензируемой монографии — ее исповедальный характер. Для отечественной философской традиции подобная форма не нова: достаточно вспомнить В. В. Розанова и Н. А. Бердяева. Продолжая эту линию, автор постоянно включает в философский текст собственный опыт и «личное пространство» (пишет «историю меня»): с документальной точностью (время до минут, место, событие) описываются жизненные впечатления, «живут» в книге родные имена и личные даты, делаются выводы на основе пережитого опыта (эти эпизоды, мы уверены, не являются авторским вымыслом).

Сразу оговоримся, что при этом книга не какое-то «умничанье» и не плод страсти графомана-интеллектуала. Если вы пробьётесь через сложную мозаику смыслов, то обнаружите весьма оригинальную концепцию проекта будущего. Отталкиваясь от философии времени Мартина Хайдеггера, автор даёт свою интерпретацию времени как вечного будущего (мы уверены, что для данной книги Хайдеггер — главный вдохновитель и путеводитель). Автор играет смыслами, вводя будущее прошлого и прошлое будущего, а также будущее будущего и прошлое прошлого. «Задача этой книги — найти способ перехода к тому, чтобы исходная формула трансформировалась и могла быть записана по-другому: «ПБ:: БП» — в дизайне, где полностью снято давление «стрелы», где манифестируется взаимообращенность, и образуемое, беспокойное и не имеющее начала и конца, рекуррентно-рекурсивное (но завершённое при этом) целое становится как непрерывно длящееся возвращение к началу, которое никогда таковым не станет само по себе, но потребует опоры в своем собственном будущем, кроме которого ничего и не существует» [3, с. 36]. Данный отрывок прекрасно характеризует как стиль автора, так и проводимую им базовую идею трактата — есть только будущее, но оно никогда не наступит.

Это сразу выводит автора за рамки новоевропейской концепции линейного времени и классической оппозиции консерватор — традиционалист contra-прогрессист — либерал — социалист. Автор не позиционирует своих политических взглядов, да и в изображаемой им темпоральной картине они не имеют смысла. В сущности, идеологии уже давно вытеснены технологиями, а в данной книге речь идет именно о технологии, пусть и метафизической, производства будущего. И реализации этой технологии очень мешают давние идеологические счёты.

Книга состоит из четырех введений и пяти разделов: I. «Апофегмата»; II. «Историография будущего:: будущее как историография»; III. «Мир времени:: время как мир»; IV. «Мир детства:: детство как мир»; V. «Поколения будущего: метафизика мира двойного двоеточия как гипотеза и обещание».

В первой главе мы имеем дело с инноватиком — наиважнейшим для производства будущего когнитивно-антропологическим типом. Инноватик — это и есть тот, кто производит будущее, зачастую разрушая мир вокруг себя

(не случайно автор сопоставляет лексемы «инноватик» и «еретик»). Инноватик — это герой или титан, гений или трикстер. Его задача — прорыв в будущее, перманентная революция. Проблема, однако, в том, что инноватик может прорваться в будущее, но не сможет его сберечь. Инноватику нужны другие, а именно те, кто сможет приручить будущее и написать его историографию.

А. А. Федоровым проводится анализ ряда философских трудов, как пытающихся описать будущее, так и объясняющих, почему подобное описание невозможно. При этом серьёзные и великие мыслители XX века — А. Кожев, Э. Юнгер, М. Хайдеггер, Ж. Деррида — соседствуют с современными «сказочниками» вроде Ювала Ноя Харари с его очень спорным бестселлером «Homo Sapiens». От постмодернизма автор идёт к спекулятивному реализму, а также различным иным «пост-»: постгуманизму, постфеминизму и т. д. Из всего этого складывается своего рода краткая история современной философии будущего, в итоге которой автор обращается к хайдеггеровской интерпретации *Vorlaufen* (заступания). Это операция мышления, когда мы мыслим что-то как будущее самого себя. Таким образом философия, или мышление, будущего предшествует будущему как мышлению. «Продуктивно — быть в будущем! В повторении и будущем собственно настоящее — не в прогрессе!», — повторяет автор М. Хайдеггера [3, с. 205]. И далее еще раз повторяет один из базовых тезисов книги: ««Будущее» — это не объект материального или имматериального мира, оно приобретается как процесс-объект мышления, но эта «покупка» никогда не свершается, и сделка всегда откладывается на-будущее, при том при всем, что ничего, кроме будущего, не существует» [3, с. 206].

Но как мы можем продуктивно находиться в будущем? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к самому интересному, на наш взгляд, разделу книги, посвященному метафизическим машинам по производству будущего. Разработкой подобных машин занимаются воины-метафизики, задача которых «взятие штурмом, обоснование, оборудование и удержание места обзора, с которого формируется точка-в-зрении, или штурмовой отряд точек в зрение» [3, с. 283]. Метафизика, таким образом, — это система вооружений для производства и обороны будущего.

Далее автором весьма оригинально рассматривается весьма старый вопрос о «роли личности в истории» в связи с бытованием трех гипотез о том, как создается будущее. Первая гипотеза состоит в том, что будущее создают как раз «выдающиеся личности», которые являются доверенными лицами гегелевского всемирного духа. Проблема, однако, в том, что «выдающаяся личность» не обязательно создает будущее, она также может ему препятствовать или даже его разрушать, как Гитлер или Пол Пот, отнявшие у собственных народов их будущее. Вторая гипотеза провозглашает будущее плодом коллективных усилий, определяемых общим рациональным планом, который, однако, вряд ли будет достаточно точным без формулирования абсолютной цели. В результате получается, что неопределенное будущее формируется неопределенным коллективным усилием. Третья гипотеза, синтезирующая две предыдущие, говорит о конкретном вкладе индивида в общее дело, понимая историю как прогрессивное движение, складывающееся из суммы индивидуальных векторов в положительную сторону. Слабая сторона данной гипотезы

в том, что она оптимистично предполагает некий прогресс, преодолевающий кризисы и войны и ведущий человечество в «светлое будущее».

В результате автором отвергаются все три гипотезы и предлагается своя, исходящая из того, что реально только будущее, которое прорывается в настоящее. Мы не столько создаем будущее, сколько принимаем его. Причем принять его способны только те, кто открыт навстречу грядущему. «Наиболее эффективно добиваться результатов от этой специфически метафизической практики — производить будущее — могут только существа, принадлежащие в своём фреймворке собственно будущему в его предельном модусе «будущего будущего». Имя этих существ — Дети, а наименование среды их существования — Детство» [3, с. 295].

Дизайн будущего, о котором рассуждает автор далее, опирается на статью Future Contingents из «Стэнфордской философской энциклопедии». Четыре дизайна, или четыре упаковки, будущего: утопия, протопия, дистопия и эйтопия. Оставив читателю книги возможность более подробно самому ознакомиться с характеристиками этих дизайнов, остановимся на эйтопии, тем более что сам автор проговаривается о своей приверженности именно этому дизайну, рассматривая противоположность утопии как возможное и желательное и эйтопию «как благо само по себе, включающее в себя также определенного рода сакральные и нуминозные идеалы, не связанные с профанным существованием» [3, с. 299]. Как подчеркивает А. А. Федоров, именно о будущем «как эйтопической формации мы и ведем речь все время, даже когда отвлекаемся на кажущиеся бессмысленностями частности или маскируемся под идиота или интеллектуала» [3, с. 300]. Отметим, что последнее удастся автору особо хорошо, что и приводит к герменевтическим сложностям и делает работу с текстом крайне энергозатратной.

Но теперь мы знаем, что стремимся построить и кто должен быть строителем: конечно, Дети. Для того чтобы понять, что же это за вундеркинды такие, нам необходимо обратиться к следующей главе, рассказывающей о четырех когнитивно-антропологических типах детства: Дети-1 — это «сохраняющие» (консерваторы), дети-2 — «решающие» (предприниматели), дети-3 — инноватики (революционеры), дети-4 — смешанные.

Автор обращается к образу ребенка-мудреца, который может воспринимать будущее с детской непосредственностью, утрачивая этот дар по мере взросления. Но Царство Божие, как известно, принадлежит детям, да и сама вечность «есть играющее дитя, которое расставляет шашки; царство [над миром] принадлежит ребенку».

При этом главенствующая роль принадлежит типу «Дети-4», умеющему преодолевать межличностные границы. Это ката-персональный, или соборный, тип «детей», умеющих слушать других. «Это будет мир сообществ, не позволяющий персоне оставаться один на один с мирозданием и обороняющий её от воздействия тяжелых фреймов, к которым относятся государство, общество, поколенческий дредноут с жестким наследованием нормирования и безнаказанностью старшинства или слетевший с катушек инноватик» [3, с. 465].

В книге есть много спорных моментов, наверное, самый спорный из них — это отсутствие настоящего. Но настоящее — это вечность, а мы находимся

в потоке времени, поэтому для нас вечность как настоящее не дано, оно может быть либо в прошлом, либо в будущем. Но прошлое прошло, и будущее — наша единственная реальность, в которую мы можем вступить, только возвратив себе Детство. Ибо, как говорил Ницше, «...но скажите, братья мои, чего мог бы сделать такого ребенок, что не мог бы совершить лев? Для чего хищный лев должен становиться еще и ребенком? Невинность — вот что такое дитя; и забвение, начало с чистого листа, игра, колесо, катящееся само по себе, первое движение, священное принимающее Да. Да, для игры созидания, братья мои, потребуется священное Да: своей воли желает теперь Дух, собственный мир обретает и принимает тот, кто мир утратил» [2, с. 26–27]. Таким образом, нам надо забыть преходящее, оставив там противоречия, но сохранив интуицию вечного будущего, в котором (и только в котором!) живет прошлое.

Следует отметить обращенность автора к будущему без падения в дурно понятую бесконечность прогресса. Говорят, есть два типа людей, думающих о будущем. Это те, кто любит фэнтези, и те, кто любит научную фантастику, то есть те, кто видит в будущем прошлое, и те, кто видит в будущем будущее. Всякий читающий данный труд не сможет не пережить ощущения возвращения в советское детство, если оно у него было: Ефремов, Лем, Азимов, братья Стругацкие — фон этой книги, устремляющейся из прошлого будущего в будущее прошлого.

Еще на одну особенность монографии необходимо обратить внимание — достаточно вольное обращение автора текста с языком (речью). В частности, текст характеризуется высокой степенью окказионализации: автор по своей прихоти постоянно «производит» слова или придает собственные значения общеупотребительным лексемам: «итоговость», «кулькуляризм» и др.; «агонально-коммунальный» (творческий коллектив) — как вам такое словечко? Нельзя забывать, что значение «живого» слова всегда дополнено эмоциональной окраской и личностными смыслами (традиция употребления), поэтому данный окказионализм не воспринимается ни терминологически, ни позитивно (а контекст требует именно такого восприятия). Не только лексическое значение, но и грамматические признаки слов «живут» так, как хочет автор: например, слово «логистика» употребляется в максимально широком значении и даже во множественном числе («логистики»). Предельно расширенным (и неоправданно, на наш взгляд) становится значение слова «кон» (поставить на кон), и дается его вольное толкование. И таких примеров можно привести множество.

Активно используя декомпозицию смыслов как способ разъяснения, автор в то же время лукаво не уточняет некоторые важные понятия, характеризуя «будущее будущее»: например, когда говорится об «эвдеоне», указывается, что важнейшим и обязательным является достижение счастья (причем не только личного), но при этом не поясняется, что же понимать под «счастьем». Там же автор пишет о необходимой «кооперации» в мире Детей для возможности будущего, но практика сегодняшнего дня показывает, что интернет сети, давая неограниченные возможности для объединения, связи, на деле разъединяют людей (вспомним «Одиночество в сети»). Эти и другие вопросы остаются после прочтения книги, и немало. Но, с другой стороны, может быть, в этом есть особый смысл.

Автор (хоть и намекает на кончину постмодернизма) создал глубокий, сложный текст, максимально персонифицированный (высказывание о себе), вполне в духе постмодерна, в который включается все (философия, культура, литература, личная жизнь, проектная деятельность и т. д.), в котором размываются границы и рушатся традиционные принципы и установки («этика неразличия», в терминологии автора): «правильный» / «неправильный», «добро» / «зло» и др.; для обслуживания философской системы формируется собственный «язык».

И в то же время эта книга написана если и не традиционалистом, то человеком, видящим в традиции будущее. И здесь мы вновь возвращаемся к Хайдеггеру с его последним Богом. «Бог, по М. Хайдеггеру и его учителю — Ф. Гёльдерлину, — должен уметь приходиться и уходить, быть вечностью, которая проходит мимо человека мимоходом и подает ему знаки — приветствуя, привлекая и маня. Но никому и ничего не будет даваться даром, без личного подвига самопреодоления» [1, с. 70]. Вечность как вечное будущее для Детей, умеющих слышать его зов. «Человечество детей задаст темп, вкус и стиль новой эпохе перевозрождения — и это должна быть эпоха нового Детства» [3, с. 486].

В чем заманчивость предложенного проекта? В попытке превратить эклектику в рабочий синтез. Когда читаешь книгу, то погружаешься в самые разные сферы современной культуры: сериалы, кино, аниме, нон-фикшн, фантастика, современная философия перемежаются с личными воспоминаниями автора, что создает ощущение погружения во внутренний мир современного интеллектуала, многолетние поиски которого и приводят к формированию проекта, который, будь изложен простым языком, выглядел бы интеллигентской утопией. Но, закованный в сложнейший философский инструментарий, данный проект становится действительно своего рода метафизическим механизмом, предлагающим объединить разные когнитивно-антропологические типы в команду по производству будущего на конкретной территории (терруаре). Инноватики при этом вглядываются в образ будущего, «сохраняющие» (так и хочется сказать «удерживающие») берегут культурное наследие, «решающие» предоставляют ресурсы, а «смешанные» сохраняют «соборное» единство социума новых детей. В результате снимаются не только идеологические противоречия: у каждой из групп может быть свой образ будущего, но будущее в сущности — одно. И в видении этого будущего примиряется в конечном счете и идеалистическое, и материалистическое мировоззрения. Вечность в абсолютном горизонте истории становится будущим, оставаясь вечностью в своей трансцендентной экзистенции. Эйтопия — абсолютный горизонт человеческой истории, будущее, которое есть всегда и не наступит никогда в рамках этого горизонта. Но другого будущего у нас нет.

Подводя итог, подчеркнем: книга — в конечном итоге (хотя и полна парадоксальных заявлений и вопреки декларируемой «этике неразличения») — наполнена гуманистическим пафосом: в ней отражена в качестве ключевой идея «Дети — наше будущее!» и звучит призыв к ответственности за сохранение возможности будущего, обращенный к нам, сегодняшним, «прошлому будущему». И это главное, почему ее стоит прочитать!

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвейчев О. А., Перцев А. В. Вечность как последний Бог, проходящий мимоходом (об экзистенциалистской мистике М. Хайдеггера) // EINA1: Философия. Религия. Культура. — Том 2 (12), 2017. — С. 70. (С. 57–72).
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 4. — М.: Культурная революция. 2005. — 432 с.
3. Фёдоров А. А. Производство будущего. Мир «двойного двоеточия». — СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2023. — 496 с.